

Сергей Викторович Бычков

Куликовская битва. Одна строчка в летописи

12+

Сергей Викторович Бычков
Куликовская битва.
Одна строчка в летописи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51567111

SelfPub; 2020

Аннотация

Куликовская битва. Загадки истории. Шпионские страсти. Ну и конечно любовь! Любовь к родным людям, родной стороне, к единственной и любимой.

Одна строчка в летописи

Посвящается

моим дедушкам:

Бычкову Михаилу Петровичу,

Буцыкину Владимиру Степановичу.

Пролог

Интересно кого больше любят внуки, дедушек или бабушек? Станный вопрос, не правда ли? Как кого-то из них можно любить меньше или больше, когда они самые родные и самые добрые на свете? И вообще, как можно такой глупый вопрос задавать? Наверно это правильно и вопрос действительно глупый, но дело в том, что у меня никогда не было дедушек. Задолго до моего появления на свет они погибли. Один на фронте, а другой в угольной шахте. Само собой, по рассказам бабушек и родителей я знал, какими они были при жизни. Конечно самыми добрыми! А ещё я часто представлял их живыми, только это у меня плохо получалось. А лица я совсем представить не мог, ибо я их никогда не видел. И общения с ними у меня не получалось, неясные фигуры дедушек с затемнёнными лицами были совсем неразговорчивые и почему-то не изъявляли желания погладить меня по голове...

И только недавно понял, что я завидовал моим друзьям,

у которых были дедушки. Может быть, и повесть эту про деда Захария я написал потому, что мне всю жизнь хотелось поговорить со своими дедушками. Доверить им одну из своих мальчишеских тайн, сходить на рыбалку и послушать их рассказы о том времени, когда они были таким же возрасте как я. Да мало ли, сколько приятных минут провести со своими дедушками, если они у тебя есть. А ещё, рассказывая вам историю деда Захария, мне хотелось донести до моих читателей, всю важность события, которое мы помним, как Куликовская битва. Мне хотелось обратить внимание молодого поколения на то, что, не смотря на то, что это историческое событие до сих пор имеет много спорных моментов, главная мысль произошедшей битвы остаётся одна – героизм защитников нашей Отчизны. А ещё огромная любовь наших далёких дедушек к нам, их потомкам, которых они даже не могли знать. Если бы они не любили нас, разве бы они пошли умирать ради будущих внуков?

Что же касается технических вопросов самого сражения, то загадок действительно хватает. Вот навскидку первейшая из них – кто командовал русскими войсками? Историки до сих пор не знают личности стратега разгромившего превосходящие силы противника. Если говорить кратко, то все исторические документы указывают, что великий князь Дмитрий Иванович сражался как простой воин, а известные русские воеводы того времени (Тимофей Вельяминов, Андрей и Дмитрий Ольгердович, князя Василий Ярославич, Федор

Моложский, Симеон Оболенский, Иоанн Тарусский, Дмитрий Боброк – Волынский) командовали отдельными полками. Неужели русскими войсками никто не руководил? Такого не может быть! Невозможно представить, чтобы не существовало плана сражения, и что великий князь пустил сражение на самотёк и известное всему миру русское *авось*. Судьба Руси и авось? Нет, конечно! Был командир, был! Умный и отважный стратег преданный своему народу до последней капли крови.

Только кто тот человек, кому Русь обязана освобождением от ордынского ига? Пока ответа нет.

Вторая, не менее важная загадка битвы – численность войск. Одни историки говорят о тридцати тысячах русских и чуть больше ордынцев, другие называют пятьдесят тысяч, 70 тысяч, 150 тысяч, 300 тысяч. Ответа, сколько же вас, героев земли русской, полегло в тот день, до сих пор нет.

Третья загадка гласит: Как русские смогли устоять против ордынских лучников? Впервые же минуты боя русские обязаны были понести огромные потери от туч всё пробивающих стрел противника, а остатки войска русского должна была разметать и утопить в Дону конница Мамай. Но случилось чудо и русские каким-то тактическим приёмом нейтрализовали смертельную угрозу, нависшую не только над ратью, но и над всей Родиной.

Существуют и другие вопросы, и я не знаю, сколько пройдёт лет, но люди разгадают их все. Было бы желание их разга-

дывать. А тем взрослым дядям, кто хочет представить Куликовскую битву, как пьяную драку русских князей, кто хочет наплевать, и забыть о столь славной победе скажу: – наплевать можно, только это будет плевок в душу молодого поколения, которое не забудет вам этого и не простит. И последнее, мой личный вопрос – не пора ли в России отмечать этот день как государственный праздник? Так же широко, как мы отмечаем день победы над фашисткой Германией.

Русь проводила полки и плетущийся за ними обоз на битву с Мамаем и замерла в тревожном и томительном ожидании. Ни торгового шума, ни привычной мирской суеты. Города словно вымерли. Даже дети, словно поняв важность момента, прекратили свои шумные игры и молились Богу.

Вся Русь молилась. В ожидании своей дальнейшей судьбы каждый русич послал к Богу столько молитв и просьб, сколько не посылал и за год. С каждым прожитым днём, с каждой прошедшей минутой волнение возрастало и возрастало, вгоняя в души людей ужас от возможного поражения в битве. Все ждали вестей и не переставали взывать к небесам: Спаси, Боже, люди своя!

В ночь с восьмого сентября на девятое в Коломне ударили колокола.

-Бах! В ночной тишине громом, словно раскололись

небеса, бухнул большой колокол церкви Воскресения Спасского монастыря.

Оглушительный звук колокола заставил всех жителей в испуге открыть глаза и с замиранием сердца подскочить с опочевальных мест, осеняя себя крестом. Господи! Матерь Божья! Спасли ли вы русскую рать?

-Ба-ам-м-м! Разрастающейся в душе жутью защемил второй удар с колокольни.

К скорби безмерной бьёт? К безутешному горю? Или к великой победе?

Люди, не переставая креститься и молить Бога, выскакивали во дворы в великом смятении духа.

-Ба-ам-м-м! Спаси и помилуй землю нашу, – стонали души коломинцев, – со щитом или...

-Ба-ам-м-м! Пресвятые Угодники! Помогите Руси Христа ради! – молили люди, взирая в темноте в сторону церкви.

И тут, словно в великий день воскресения Господа, предтечей благовеста ударили мелкие колокола, донося до народа суть послания от которого в душах людей зародилось пока ещё слабая надежда и опьяняющее предчувствие счастливого исхода: – Бум-дзинь – тринь – бам – дзинь – дзинь – дзинь.

– Бам-м-м! – Важным голосом подтвердил новость большой колокол.

-Дзынь – тринь, дзынь-тринь, бум – бам-м – истосковавшись от долгого ожидания важного события, малые колокола подхватили голос большого и рассыпались таким лихим

и весёлым перезвоном, что народ окончательно уверовал в свою благодать.

– Слава русскому оружию!!! По-бе-да!!!– поняли все высыпающие в ночь люди, – Неужели свершилось? Господи, счастье – то, какое!!!

Ошалевшие от непомерной радости люди кинулись поздравлять друг друга, целовать соседей и первых встречных, а потом, когда первая радость схлынула, весь люд неистово стал просить Господа во спасении своих близких.

Потом люди благодарили Бога за его любовь к русскому Духу, Мать Божью за сострадание к русскому народу, своих защитников – за мужество во имя будущих поколений великой Руси.

В соседнем посаде, проснувшись от переполоха в Коломне, перезвон подхватили колокола местной церквушки, следом заголосила колокольня другого посада, затем следующего и малиновый звон, наполнив всё звёздное небо Руси, полетел до заждавшейся и истомившейся в неизвестности Москвы...

И колокола кремля взорвались триумфом и наполнили сердца людей воистину благой вестью: Мамай разбит! Победа!

* * *

Ох, и не любила Ефросинья, когда её Захарий бражничал! По молодости он пил, как и все на Руси, но знал меру,

а вот когда старость подошла, стал слаб и ковш-другой мёда валил некогда крепкого Захария с ног и тогда он валялся по полу избы, пьяно бормоча отрывки давно прошедших событий. Он то, всхлипывая, вспоминая давно пережитые обиды, то пытался рвануть песню от пришедших в его пьяную голову воспоминаний прежних побед. Перед тем, как окончательно свалиться и уснуть, он размазывал по усам и бороде слёзы вперемешку с соплями и не давал Ефросиньи прохода, требуя себя поцеловать.

-Иди-ка ты, дед,.. спати, – злилась Ефросинья и отталкивала мужа, брезгуя его пьяным видом и размазанных по лицу соплей. Захарий обижался и никак не мог взять в толк, отчего это всегда любящая жёнушка не хочет приласкать его жарким поцелуем.

Он сконфуженно смотрел на жену, смешно хлопая при этом ресницами, и раз за разом повторял фразу, которую все слышали много-много раз:

-Ну почему ты меня не цалуешь?

Правнуки, поневоле наблюдавшие эту сцену, прыскали от смеха и с интересом ожидали, поцелует бабуля деда или нет, а давно взрослые сыновья улыбались в усы, глядя на проснувшуюся любовь старого отца.

Стар стал её сокол ясный Захар Тютчев. Прошли года, и пить в его возрасте не пристало. Ефросинья вся извелась, борясь с мужем, но он всё равно продолжал выпивать. Да и как тут победишь в этой борьбе, если её Захарий – известней-

ший человек не только в их слободе, но и во всей Москве? И каждый, куда бы он ни пошёл со двора, считает за великую честь угостить мёдом бывшего посла великого князя Дмитрия Ивановича Донского, славного ратника земли русской, участника великой Куликовской битвы и человека, лично говорившего с проклятым Мамаем. Лично! Хоть со двора его не выпускай совсем!

Сегодня особый день – день Рождества Пресвятой Богородицы и день поминовения погибших в страшной сече с ордынцами на Куликовом поле. Во всех храмах Руси будут служить молебны за упокой душ героев, сложивших свои головы во славу Родины.

Захарий встал рано, когда солнце ещё и не думало выплывать из-за горизонта, и долго молился на образа, а потом весёлый и словно помолодевший от исходящего душевного огня, разбудил всех.

-Подымайтесь, – скомандовал он, – в храм бы не опоздать.

Поев и надев праздничную одежду, семейство чинно идёт в храм, а все, кто попадается им по пути, низко кланяются Захарии. Ефросиньи приятно видеть уважение людей к мужу и она, помолодевшая от этого, любитесь на своего старого орла...

-Налей-ка, старая, всем мёду, – зная, что жена в такой день не откажет, попросил Захарий, когда они вернулись домой, – сегодня грех не выпить.

Ефросинья не против. Конечно, грех не помянуть всех тех, кто, защищая Русь, остался лежать на берегу реки Непрядвы. Святее дела быть не может, чем хранить память о защитниках отечества, не пожалевших своих животов за землю отцов.

Взяв ковш в руки, Захарий встал, подождал, когда поднимутся остальные, включая младшего правнука, и только тогда торжественным голосом произнёс:

-Царство вам небесное, друзья мои, сотоварищи.

Второй ковш он залпом не пил, а растягивал по глоткам: то во славу русского оружия, то во славу князя Великого Дмитрия Ивановича, то во славу всех, кто приходил ему на ум.

После обеда Захарий переместился поближе к лагушку с мёдом, а правнуки, один за другим, начали наперебой просить:

-Деда, расскажи, как ты к Мамаю ездил. Деда, а князь Дмитрий Иванович великаном был? Деда ... деда...

Захарий расправил усы, улыбнулся, глядя на правнуков и, выждав для сурьёзности момента несколько минут, начал рассказ, который Ефросинья слышала много-много раз и помнила уже слово в слово. Но, несмотря на это, каждый раз рассказ Захария слушался не менее интересно и всегда вызывал ответные чувства в виде любви и гордости за свою родную сторонущку, чувство почтения к героям павшим в боях за Отчизну и чувство ненависти к врагам. И хотя ма-

леньким слушателям, которые тоже много раз слушали рассказ деда, были непонятны столь взрослые чувства, которые формируются с годами, они интуитивно радостно и весело галдели в местах торжества справедливости и побед, испуганно жались к деду в местах опасности и устраивали весёлую кучу малу в момент торжества русского духа.

– В тот год 1380 от рождества Христова, исполнилось мне осьмнадцать зим, как всегда начал Захарий, – женил меня батюшка по весне на бабушке вашей Ефросинье Алексеевне. Да и как не женить было, ведь она проходу мне не давала из-за любви ко мне. Прямо ложись и помирай. Или к татарам подавайся.

Захарий хитровато улыбнулся и сделал паузу, так как знал, что жена обязательно выскажется в этом месте, ибо терпеть не могла неправды и всегда пресекала любые попытки лжи, поданной даже в виде шутки.

– Врёт всё, окаянный, – встряла возмущённая Ефросинья, – сам так и шастал по ночам в наш двор, чтобы увидеть меня в окне светёлки. Прилип, прям как банный лист...

– Да, да, да, – весело реагировал Захарий и подмигивал внукам, – а я, может, не к тебе приходил. Я просто, по отсутствию сна, прогуливался вокруг вашей избы. А вот ты открывала окно и знаками мне показывала, что любишь.

– А ты до утра под окном стоял истуканом, пока батюшка однажды тебя оглоблей не спугнул, – усмехаясь, ответила Ефросинья, – ох, и бежал ты милоч, что чуть плетень не снёс.

-Девка она красивая была, – пропустив замечание про позорное бегство мимо ушей, продолжил Захарий, – прямо Василиса Прекрасная. Мой тесть её из светёлки не выпускал. Не дай бог, ордынец увидит, сразу в Золотую Орду увезёт на потеху их князьям – мурзам. Со всеми красивыми девками они так поступали, проклятые...

Посватали мы её, свадьбу справили и зажили мы с ней как два голубка. Так, мать?

-Так, Захарий Иванович так, – улыбаясь, подтвердила Ефросинья и добавила для внуков, – в заботе и ласке прожила с вашим дедом, грех жаловаться и Бога гневить. Ласковый он всегда был. То ромашек мне принесёт, то просто ветку сирени. Мелочь, а у меня сердце от радости из груди выпрыгивает, словно он мне не цветы полевые принёс, а половину мира к ногам положил. Детей вон подняли, в люди вывели и вас всех, даст Бог, подсобим по мере сил и здоровья, поднять.

-Деда, а меня ты любишь? – стала допытываться сидящая у него на коленях самая младшая из всех правнуков Машенька.

– Люблю, стрекоза моя, люблю, – целуя ее, подтвердил Захарий.

– Сильно, сильно? – Жмурясь от удовольствия и подставляя лицо для поцелуев, не унималась она, – как бабушку Фросю?

– А нас деда? – подняли галдёж остальные дети.

– Всех вас люблю бесенята, – прижимая Машеньку к груди ответил довольный Захарий.

– Ну почему ты меня не цалуешь? – Передразнивая пьяного деда, произнёс сидевший у окна внук Алексей.

Взрослые, все, кто был в избе, покатались со смеху. Захарий, не ожидавший такого предательского выпада от внука хотел было рассердиться, но не смог. Он хохотнул, покачал головой и ответил внуку: – Подожди, шельмец. Подойдешь ещё ко мне, попросишь уду тебе смастерить.

– Как пришло лето, собрался батюшка мой в Золотую Орду воск свести, – продолжил Захарий, – в Орде воск всегда в цене был. Не бортничали басурмане-то и пчёлы для них, всё равно, что для нас верблюды.

– А верблюды, это такие лошадки?– Спросила Машенька.

– Нет, Машенька, – ответил Захарий, – это как наша корова Зорька, если на неё седло напялить.

– Как скоморохи на ярмарке телка оседлали?– Вспомнила внучка.

– Верно. Телок тогда им чуть шеи не свернул, – подтвердил дед и продолжил, – собирайся, сын, говорит мне батюшка, пора тебе науку купеческую познавать.

Ну, что было делать? Пора – так пора, слово батюшки – закон.

Поцеловал я Фросю на прощание много раз, и двинулись мы в путь далёкий с такими же купцами. Кто меха вёз, кто – мёд, кто – кожу мятую. Кто, как я, первый раз ехал в землю

чужую, а кто и со счёта сбился.

В диковинку мне ордынская сторона была. Это не Русь с её лесами и раскинувшимися меж их зелёных лугов причудливо изрезанных сонными речками. Землица там, в басурманской стороне – степь голимая. Сколько глаза по сторонам не пяль – взгляду не за что зацепиться. Одна трава, выгоревшая словно старая, пыльная паутина, брошенная на землю. А в той степи речка имеется. Знатная речка! По местному её кличут Итиль, что означает источник. Ну, а среди нашего люда её Волгой кличут. Море-акеян, а не река! От горизонта – до горизонта. На сколько глаза можно распахнуть. Ордынцы всё больше по степи кочуют. Скотоводы они отменные. Но много народа по городам и поселениям живёт, коих понастроили много, особенно по берегам рек. Живут сытно, только вот князья их да хан не дают им пожить вольготно. Лютые они, чуть, что не так – голова с плеч!

Путь наш лежал в столицу Орды – Сарай Берке. Сильно меня этот город удивил. Я-то, по наивности юношеской, думал, что все города на Москву похожи: кремль, посады, слободы. Ан нет. И храмы у них другие и города красивей.

-Красивей?! – не верили возмущившиеся внуки. – Красивей нашей Москвы?

-Ну – у, не красивей, – начал стоять за города русские Захарий, – лучше сказать – диковеннее. Сады кругом, каналов понарыто по городу чуть не на каждой улице. Арыки называются. По тем каналам вода течёт, а от воды той идёт све-

жесть и прохлада в самый зной. Богатый город. Только Сарай Берке – вторая столица Орды, первая называлась Сарай Бату. По имени проклятого хана Батыя, покорившего землю русскую. А страну они свою назвали Золотой Ордой потому, что дворец Батыя был обшит золотыми пластинами и сиял на солнце, словно зеркало медное. Так вот, как рассказал нам купец Ипат, который много раз бывал в Сарай Берке, у ворот города стоят два коня отлитые из чистого золота. Верилось в это с трудом. И если это чистая правда, то как нещадно надо было грабить Русь, чтобы столько золота собрать? Это же, сколько жизней загубили, продали в рабство, заморили до смерти голодом и холодом? Когда показались стены Берке, я с волнением ждал встречи с золотыми конями. Неужели это правда? Оказалось, правда, как и говорил Ипат. Два красавца жеребца стояли на постаментах и гордо смотрели на людей. Лучи солнца отражались от их золотой поверхности и слепили глаза. От этого казалось, что над жеребцами стояло золотое сияние. Я хотел подойти и погладить это чудо, но один из сердитых стражников охранявших коней с ненавистью зыркнул на меня и стал оголять саблю.

-Захар, – испуганно заорал мой батюшка, – не приближайся. Держись от греха подальше.

В Сарае их поганом к моему удивлению, оказалась русская слобода: постоянные дворы, храм со службами, склады купцов. Разместились мы и тут- то мой батюшка закуролесил. Ещё моя покойная матушка говаривала:

-Нашему батюшке только губы мёдом помажешь – три дня будет бражничать.

Три дня? Если бы! Батюшка разгулялся не на шутку. И про воск забыл, и про меня. Две недели с дьяком Фёдором от браги не просыхали. Прямо с самого утра уходили в волючую корчму брагу пить. Пьют, едят – и всё с ордынскими рожам! Закручинился я от такого поворота дел. Что предпринять – не знаю. Пробовал батюшку уговорить, делом заняться, когда он одним утром ещё трезвый был, да он на меня так цыкнул, что я больше и не подходил к нему с утра.

От нечего делать я стал бродить по городу, но далеко уходить из русской слободы боялся. Город большой, так и заблудиться ненароком можно. Мне наудачу подружился я с сыном хозяина нашего постоялого двора – Василием. Ему лет пятнадцать было. Он мне и показал город. А он не маленький оказался. По словам Василия, чтобы пройти из конца в конец, чуть не целый день нужен. А однажды мы с ним за ворота ходили. Посмотреть золотых жеребцов. Так вот, рассказал мне Василий по секрету историю этих удивительных коней. Дело было так, у хана Батыя, кому Берке приходился родным братом, был сын по имени Сартак и внук Улагчи. Наследники Орды. Это означало, что Берке никогда не получит власть в случае смерти хана Батыя. Ох, и ненавидел их Берке. Спал и видел их смерть лютую. Батый состарился, захворал дуже, и дело быстро покатилося к его тризне. Тут то и случилось то, что должно было случиться в стае волков –

в одну неделю умирают наследник Сартак и его сын Улагчи. Отравили горемычных ордынских князей. Кто? Даже вам, наверное, ясно.

– Деда, – с тревожной ноткой в голосе спросила Машенька, – а ты бы меня отравил за трон княжеский?

– Что ты такое говоришь? Как ты могла такое подумать, моя дорогая, – воскликнул Захарий, – я от последних лаптей откажусь, лишь бы вы все были здоровы и счастливы. А бабушка ваша? Разве она допустит такое. Она первая меня на куски разорвет, и псам цепным скормит, коль я антихристом, способным на подобное зверство окажусь. Беги, Машенька и поцелуй бабушку. Видишь, как она смотрит на тебя и радуется своей ненаглядной красавицей?

Машенька спрыгнула с колен Захария и устремилась у протянувшей к ней руки Ефросиньи. Следом за Машенькой целовать бабушку бросилась вся детвора, а Захарий под этот шум зачерпнул из лагушка ковш браги, выпил и довольный стал наблюдать, как Ефросинья по очереди целует правнуков.

Обласканные бабушкой внуки вернулись к Захарию, и он продолжил рассказ:

– Так вот, Берке, когда стал ханом Орды, то приказал отлить лошадей и поставить их охранять ворота своего города. Для него они означали души ненавистных ему даже после смерти Сартака и Улагчи и будто кто-то слышал, что когда Берке въезжал в город или выезжал, то всегда зло шептал же-

ребцам: Стоите ублюдки? Ну и стойте, служите славе моей.

Покрутились мы с Василием вокруг коней, поглазели вволю и пошли восвояси, а то стража уже коситься на нас стала. А на следующее утро слёг батюшка. Завсегда у него так было: попьёт вволю, а потом день-другой лежит плашмя и крихтит бедолага да стонет от ломоты и тошноты похмельной. Ничего не ест, только квасом да рассолом отваживается. Дьяк Фёдор приходил опохмелять отца, да, видимо, не в коня корм, блевал батенька от браги, а встать с лавки и вовсе не мог. На третий день, слышу, зовёт он меня:

-Захар, подойди.

-Что, батюшка, ещё рассола? – спросил я, подошедши.

-Нет, сынок. Присядь подле меня и слушай со всем вниманьем.

Тут батюшка закашлял и в груди у него, горемычного, всё забулькало, словно в роднике.

-Не от браги болезнь моя приключилась, – начал он, – в груди стряхнулось что-то. Видимо, помру я здесь в земле поганой, не увидев родную сторонку.

-Что ты, батюшка, – испугался я, – Бог с тобой, что ты такое говоришь?

Тут дед Захарий сделал паузу.

-А где ковш-то, – поискав глазами, спросил он Ефросинью, – помянуть бы батюшку надобно.

Ефросинья, зная, что Захар не отстанет, покачала недовольно головой и подала ему ковш с брагой.

-Царство ему небесное, – проговорил Захарий, быстро перекрестил толи свой лоб, толи пузо Машеньки, выдохнул на внучку воздухом и выпил всё до последней капли. Похрустев поданным Ефросиньей огурцом, он прокашлялся и продолжил рассказ.

-Ты думаешь, я – простой купец? – спросил меня отец. – Ты думаешь, воск привёл меня в Сарай Берке? Нет, сын мой! Соглядатай я князя нашего Дмитрия Ивановича и послан сюда быть его глазами и ушами.

Услышав это, внуки Захария восхищённо загалдели, будто первый раз слушали деда.

-В уме ли мой батюшка? – подумалось мне. Наверное, брага совсем его разум помутила. Соглядатаем себя назвал, виданное ли дело. Когда я поменьше был, так старец Макарий, известный всей слободе сказальщик историй, рассказывал нам пацанам, что соглядатаи – люди дюжие и хитрые, спасу нет. Всё, что им князь не прикажет – выведают и куда надо проберутся. Хоть в царство самого Кощея. А уж драться умеют – семеро на дороге соглядатаю не становись: как капусту порубит.

А батюшка мой? На коня без моей помощи усесться уже не мог. А про меч я и не говорю: отродясь меча-то я в его руках не видывал. Как же он собирался семерых в капусту рубить? Или на полном галопе из лука, стрелу за стрелой в цель без промаха посылать. Ась?

-Ты лежи, батюшка, – говорю я ему, – вот дьяк Фёдор

придёт, вы опохмелитесь, и Бог даст тебе здоровья к утру. А потом в баньке попаришься, что купцы в складчину за храмом соорудили, и хворь твою как рукой снимет.

Батюшка понял, что я в неверии, усмехнулся и говорит: – В Москву, сынок, собирайся. Пришла беда великая: Хан Мамай Русь разорить решил. Сведения верные, недаром мы с дьяком Фёдором знатного татарина Махмуда всё это время в корчме поили. Тесть его при Мамае состоит и поведал своему зятю тайну жуткую, а он нам по пьянке и открылся.

Сейчас Фёдор должен прийти. Он наш человек, его не бойся. Он и поведаёт тебе, как до Москвы добраться и кому слово молвить.

-Как же я тебя здесь оставлю, – насмелился я возразить ему, – что мне матушка скажет? Не поеду без тебя! Хоть ругай меня, хоть пори – не поеду!

А он говорит: – Молчи, не обо мне речь, все мы в руках божьих. О Руси перво-наперво думать надобно, о матери городов наших.

Тут и дьяк Фёдор заявился.

-Мир дому сему, – проговорил он, входя в горницу. – Что, Петрович, не полегчало?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.